

ТЕНЬ, КОТОРУЮ ВСЕ БОЯЛИСЬ

Lisia

Lisia

Тень, которую все боялись

«Автор»

2026

Lisia

Тень, которую все боялись / Lisia — «Автор», 2026

Анна — психолог. У неё привычка спасать людей. Однажды дождливым вечером она пожелала спасти даже героиню книги — злодейку Элиану Вальдхорн, которой по сюжету суждена казнь на площади. И проснулась в её теле. Теперь у Анны шесть месяцев до казни. Она знает сюжет наизусть: кто предаст, кто улыбнётся, кто вынесет приговор. Но книга не предупредила о главном — о том, что злодейку сделали монстром, о том, что девушка, которая должна стать её палачом, сама жертва, и о том, что пятеро мужчин начнут смотреть на новую Элиану глазами, которых оригинал не видел никогда. Анна не будет играть по сценарию. Но тот, кто дёргает за нити, уже заметил: злодейка ведёт себя иначе. Тёмное фэнтези о травле, исцелении и о том, что монстрами не рождаются — монстрами делают. И что разделить можно обратно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Lisia

Тень, которую все боялись

Глава 1

© Lisia, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения автора.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

*Посвящается тем,
кто когда-то чувствовал себя невидимым.*

*Тем, кого пытались сломать,
но кто нашёл в себе силы стать сильнее.*

*Тем, кто знает:
исцеление начинается не с прощения других,
а с признания собственной боли.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Элиана Вальдхорн (героиня)

Длинные тёмно-каштановые волосы, собранные в строгую причёску. Глаза серо-зелёные, холодные, но с глубиной, которую замечают не все. Кожа бледная, почти прозрачная. Высокая, стройная, с осанкой, которая говорит о дисциплине. На левой руке — тонкий шрам, который она всегда прячет под длинными рукавами. В оригинальном сюжете её считали воплощением высокомерия и жестокости. Но за этой маской скрывалась девушка, которую сломали в детстве. Теперь внутри неё живёт Анна — психолог из нашего мира, которая видит то, что другие не замечают.

Принц Кассиан Велмарн

Высокий, с идеальной осанкой, которая кажется почти неестественной. Светлые, почти белые волосы, коротко подстрижены. Глаза голубые, как лёд, но в них есть боль, которую он тщательно скрывает. Черты лица безупречны, но улыбка никогда не достигает глаз. Всегда одет в белые и золотые одежды, подчёркивающие статус. Выглядит как воплощение совершенства, но рядом с ним чувствуется холод — не от высокомерия, а от одиночества.

Рейн, слуга

Тёмные, почти чёрные волосы, падающие на лоб. Серые глаза, почти прозрачные — в них можно утонуть. Лицо худое, с острыми скулами, но красивое. Всегда одет в чёрное, одежда простая, но безупречно чистая. Двигается бесшумно, как тень. Он невидим: люди смотрят сквозь него, забывают о его присутствии. Но если посмотреть внимательно, заметишь, что его глаза видят всё.

Дариан Блэквуд, рыцарь

Тёмно-русые волосы, коротко подстрижены. Зелёные глаза, в которых есть что-то дикое и что-то сломленное. На левой щеке — тонкий шрам, который он не прячет. Высокий, мускулистый, с осанкой воина. Носит доспехи, но даже без них выглядит как оружие, готовое к бою. Выглядит опасным, но его руки всегда слегка дрожат — не от страха, а от напряжения человека, который боится сделать неправильное движение.

Лорен Ашфорд, друг детства

Каштановые кудри, которые он никогда не укладывает — они падают на лоб сами по себе. Карие глаза, тёплые, но с грустинкой. Лицо открытое, с обаятельной улыбкой, которая появляется слишком легко — как маска. Среднего роста, стройный, одевается элегантно, но не вычурно. Кажется лёгким, как ветер, но рядом с ним чувствуется напряжение — как будто он всегда готов убежать.

Элиас Вейн, маг

Серебристые волосы, длинные, заплетённые в косу. Фиолетовые глаза — редкие, почти нечеловеческие. Лицо аристократичное, бледное, с острыми чертами. Высокий, худой, одет в тёмно-синие одежды с серебряной вышивкой. Двигается плавно, почти не касаясь земли. Рядом с ним воздух кажется холоднее, люди инстинктивно отступают. Но если заглянуть в его глаза, увидишь не монстра, а человека, который устал быть один.

Лорд Регент Орис

Регент королевства Велмарн. Мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и острым, умным взглядом. Лицо красивое, но в этой красоте есть что-то пугающее — как будто он видит всё насквозь и не находит ничего достойного. Голос мягкий, почти ласковый, но за этой мягкостью скрывается сталь. Тот, кто дёргает за нити.

Селена, главная героиня «Падшей наследницы»

Простолюдинка с даром света, который лечит. Медовые волосы, тёплые янтарные глаза, привычка слегка опускать голову, будто она всё ещё ждёт удара. Улыбка, которая держится, как броня. В оригинальной истории её свидетельство стало причиной казни Элианы. Теперь она ждёт, что травля повторится, — но сценарий уже сломан.

Глава 1

Пробуждение в чужой коже

«Мы создаём монстров не из злобы, а из боли. И единственный способ победить тьму — не уничтожить её, а признать, что она когда-то была светом, который сломали»

Первое, что я почувствовала, был холод. Не тот, на который ворчишь по дороге на работу, а основательный, глубокий, такой пробирается под кожу и устраивается там навсегда, как будто платит за постой.

Я не сразу открыла глаза. Сначала просто лежала и слушала: где-то тихо позвякивало стекло, ветер возился с занавесками, в камине один раз и очень вежливо треснул уголёк, как стучатся чужие люди. Пахло воском, холодным камнем и ещё лавандой, совсем чуть-чуть. В моей квартире так не пахнет. В моей квартире пахнет растворимым кофе и табаком соседа по площадке, и если бы мне кто-то сказал, что я буду по этому запаху скучать, я бы рассмеялась ему в лицо.

И кровать у меня не такая жёсткая.

Я повела рукой, чтобы потереть глаза, как делала каждое утро, и замерла на полудвижении.

Рука была не моя. Я даже не знаю, как это объяснить иначе: она выглядела моей примерно так же, как гостиничный номер выглядит домом, — вроде всё на месте, а расслабиться нельзя. Пальцы длиннее, запястье тоньше, и на внутренней его стороне я нащупала большим пальцем тонкий рубец, будто под кожей забыли нитку. Шрам. У меня никогда не было шрама в этом месте. Да и вообще, если честно, только на коленке, с детства, с велосипеда.

Открыла глаза я не сразу.

Потолок был чужой. Высокий, с фресками — воины с мечами, золото, облака, — из тех потолков, на которые смотришь в музее и думаешь «дорого, наверное». Я знала этот потолок. Я видела его на иллюстрациях. И ещё примерно три секунды я честно торговалась с собой: если я сейчас зажмурюсь и сосчитаю до десяти, то открою глаза дома, и будет звонить будильник, и я опоздаю на консультацию, и всё будет скучно и прекрасно.

Сосчитала до десяти. Открыла. Воины остались.

— Ну отлично, — сказала я и села, потому что сходить с ума лёжа неудобно.

Вот тут и стало по-настоящему страшно. Голос был чужой. Ниже, холоднее, с той самой ноткой человека, которого привыкли слушаться. Такую нотку я слышала у клиентов, которые приходят на терапию по судебному предписанию. Я никогда не думала, что услышу её из собственного рта. Точнее, из этого.

Я психолог. Это важно понимать прямо сейчас, потому что всё, что я сделала дальше, было не паникой, а профессиональной привычкой. Когда человека накрывает большая волна, ему дают за что-то держаться. Желательно за настоящее. Пять вещей, которые видишь. Четыре, которых можешь коснуться. Три, которые слышишь. Я раздавала эту технику столько раз, что могла бы читать её во сне. Пришло время проверить, как она работает изнутри.

Итак, пять вещей, которые я вижу. Балдахин из тёмной ткани, тяжёлой, такие годами собирают пыль. Камин с остывающими углями. Шторы цвета засохшего вина. Серебряный кувшин на столе. Зеркало в полный рост у дальней стены. Хорошее зеркало. Очень не вовремя хорошее.

Четыре, которых касаюсь. Простыня, холодная и гладкая, как бумага. Резной край кровати. Собственные — якобы собственные — волосы, свалившиеся на плечо, неприлично длинные. И всё тот же шрам на запястье, тонкий, как нитка.

Три, которые слышу. Ветер. Угли. И моё дыхание — слишком ровное для человека, который только что проснулся в сказке.

Помогло. Волна отступила ровно настолько, чтобы я смогла встать.

Я поднялась, босиком ступила на пол и постояла посреди комнаты, медленно поворачиваясь. Комната была огромной и при всей роскоши какой-то неживой: мебель, на которую страшно сесть, книги, которые, похоже, ни разу не открывали, полотенца, сложенные так идеально, что ясно — живой рукой их не трогали. Такие комнаты рисуют в играх про богатых злодеев. Мысль была почти смешной. Почти.

У умывального столика я наклонилась над чашей и сунула пальцы в воду. Ледяная. Я плеснула себе в лицо и посмотрела в маленькое зеркальце над чашей: по чужому бледному лицу бежали капли, дорожили по чужим скулам.

— Так, — сказала я отражению. — Смотрим друг на друга честно.

Большое зеркало приняло меня без восторга. На меня смотрела девушка лет девятнадцати, с тёмно-каштановыми волосами до пояса и серо-зелёными глазами, которые я узнала с тошнотворной отчётливостью. Я знала это лицо. Я, разумеется, знала это лицо. Я смотрела на него на обложках и в фанарте, я ругала его в комментариях и жалела его по ночам — всё в своё время.

Это была Элиана Вальдхорн. Та, которую в этом мире ненавидят все и которую через шесть месяцев казнят на площади перед дворцом, при всеобщем ликовании. Я помнила это место в книге почти дословно, и теперь стояла перед зеркалом и с какой-то странной ясностью делала простую арифметику.

Шесть месяцев. Примерно сто восемьдесят дней. Это если местный календарь совпадает с тем, к которому я привыкла, в чём я не была уверена.

Я села на край кровати, потому что стоять, когда тебе сообщают дату твоей казни, как-то слишком театрально. И тогда в голове всплыл следующий вопрос, простой и страшный: а как я вообще здесь оказалась?

Память поднималась неохотно, как со дна.

Тот вечер. За окном лил дождь, из тех, что начинаются утром и к ночи становятся личным оскорблением. Я вернулась позже обычного: перед этим два часа сидела напротив тринадцатилетней девочки, которая рассказывала, как весь класс третий месяц делает вид, что её не существует. У девочки была привычка тянуть себя за рукав свитера, будто она проверяла, на месте ли она сама. Я до сих пор не знаю, что хуже — когда травят, или когда вокруг просто никого нет.

Дома я заварила чай и не выпила его. Села в кресло, открыла на планшете «Падшую наследницу» — не знаю зачем, наверное, так трогают больной зуб. Дочитала до сцены на площади в десятый раз и поймала себя на том, что злюсь на автора по-настоящему, как злятся на живых людей. Все вокруг неё были заняты своими сюжетами. Никто не посмотрел ей в глаза. Никто не спросил, что с ней на самом деле.

«Если бы рядом был хоть один человек, — подумала я тогда, — хоть один, который встал бы между ней и толпой, всё пошло бы иначе».

Потом темнота сгустилась, и я решила, что засыпаю. И в этой темноте кто-то спросил. Не звуком — глубже, будто вопрос возник прямо в груди, там, где у меня годами жил профессиональный, выученный до косточек сочувственный узел.

«Ты хочешь спасти её?»

Надо было испугаться. Но я так устала за тот день — от девочки с вытянутым рукавом, от собственной взрослой разумной беспомощности, — что ответила не думая, как отвечают, когда терять уже нечего:

— Да.

И темнота захлопнулась, как книга.

Я моргнула. Сидела на краю чужой кровати, и сердце — чужое сердце — стучало ровно, будто знало то, чего не знала я. Вот и весь ответ на вопрос «как». Я согласилась. Я сказала «да» тому, чего не видела и не понимала. В своей практике я всегда говорила клиентам: осторожнее с желаниями, которые произносишь в темноте, — темнота иногда отвечает.

Вот она и ответила.

И тогда пришли воспоминания. Не мои — но пришли они как свои, изнутри, с запахом и болью. Каменный пол под маленькими ладонями. Праздничный смех над головой, так смеются над смешным щенком. Мужской голос: «Встань. Докажи, что ты достойна своего имени». Трещина на костяшке. Встань. Упадёшь. Встань.

Оборвалось — и сразу зацепилось второе: коридор, спина женщины в сером платье, удаляющаяся не оборачиваясь, детская рука, ловящая подол, и сухое, как осень, «не позорь меня». Женщина не обернулась. Девочка осталась стоять посреди коридора, держа в пальцах воздух.

Я вынырнула из этого на собственном дыхании — раз, два, три, выдох. Так я учила выныривать людей из таких воспоминаний. Я просто не думала, что буду проделывать это с чужим детством. И с девочкой, которая тянула себя за рукав, мы, выходит, были из одного теста. Обе стояли посреди коридора. Обе держали в пальцах воздух.

Вот значит, что здесь выросло, — подумала я. Не злоба и не пресловутое высокомерие. Камень под ладонями и спина матери. И вся история про ту, кого все боялись, вдруг стала выглядеть для меня иначе, как меняется картинка, если отойти на два шага назад.

Я не знаю, сколько просидела. За окном посерело, ветер осмелел, и я наконец встала и дёрнула шнур шторы. За стеклом лежало королевство Велмарн ровно таким, каким его рисовали художники: башни дворца в рассветной дымке, сады с подстриженными шарами деревьев, город внизу — дымящийся, просыпающийся, живой. На карниз села птица, посмотрела на меня чёрной бусиной глаза и улетела по своим делам. У птицы, по крайней мере, не было никаких сомнений.

— Ладно, Элиана, — сказала я стеклу, в котором бледное лицо лежало поверх крыш чужого города. — Мы с тобой, похоже, застряли вдвоём. Я сказала «да», и теперь это моё «да» имеет вес. Тебя сделали монстром, а монстры не появляются просто так. У меня шесть месяцев. Я потрачу их на то, чтобы понять, кем ты была на самом деле. А заодно постараюсь не дойти до площади. Желательно в этом порядке.

В шкафу висели ряды тёмных платьев, все такие строгие, будто человек, который их выбирал, давно решил, что радость — не для него. Я взяла самое простое, тёмно-синее, и одевалась почти на ощупь — тело помнило застёжки и шнуровки лучше, чем я. Странное это ощущение, учиться быть собой у собственного тела.

В зеркале теперь стояла не та, кем меня сделали, а кто-то третий, с кем мне ещё предстояло познакомиться.

— Я не стану той, кем тебя сделали, — пообещала я ей тихо. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Дверь открылась так тихо, что я едва не закричала. На пороге стоял молодой человек в чёрном, с чёлкой, падающей на глаза, и держался он так, как держатся люди, привыкшие занимать как можно меньше места. Это был Рейн, личный слуга Элианы, и, если верить книге, один из немногих, кто останется рядом с ней до самого конца. В оригинале он был похож на мебель с глазами. Сейчас эта мебель стояла передо мной живая, с ниткой серой пыли на рукаве, и смотрела на меня так, как смотрят на плитку, о которую уже обжигались.

— Леди Элиана, — произнёс он едва слышно, глядя куда-то в район моего плеча. — Вы приказали разбудить вас на рассвете. Завтрак подан в малой гостиной. И Лорд Регент ожидает вас после.

Лорд Регент Орис — имя легло в грудь камнем в кармане. Человек, который в этой истории дёргает за нити из-за кулис, и которого мне, если я хочу жить, лучше не разочаровывать как можно дольше.

— Я приду, — сказала я.

Он коротко поклонился, уже начал отступать в коридор, в свою привычную невидимость, — и я вдруг поймала себя на том, что хочу сказать ему что-то человеческое. Просто потому, что за последние часы он был первым живым существом, которое со мной заговорило.

— Спасибо, Рейн, — сказала я.

Он замер. Не поднял глаз, не ответил — только пальцы на подносе сжались чуть сильнее, будто я сказала что-то невозможное. И вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Я постояла ещё немного, слушая тишину. Интересно. Что в этих двух словах было такого, от чего у человека сжались пальцы?

Письмо лежало на столе рядом с кувшином, и я заметила его только теперь: тяжёлый чёрный воск с оттиском ворона на серебряном поле, печать дома Вальдхорн. Я повертела конверт в руках и не стала вскрывать. Некоторые вещи лучше читать на свежую голову. Или хотя бы после завтрака.

Но одно я уже знала точно: мои шесть месяцев начались.

Глава 2

Глава 2

Те, кто должен был любить

«Ближайшие люди ранят точнее всех — они знают, куда бить».

Коридор до малой гостиной был длинным, и я шла по нему медленно, читая этот дом, как читаю карту пациента: по деталям, по запахам, по тому, что здесь считалось нормальным. Портреты предков смотрели со стен с одинаково недовольным достоинством, будто каждый из них в своё время тоже опаздывал к завтраку и его за это наказывали. Пахло полированным деревом и чем-то цветочным, очень дорогим и очень равнодушным.

В этом доме любовь выдавали по каплям, как лекарство, — после еды и строго по назначению. Это я уже знала из воспоминаний Элианы. Они поднимались во мне теперь не волной, как ночью, а тихо, фоном, как чужая музыка из-за стены: я узнавала повороты коридоров, скрип конкретной половицы, привычку слуг появляться из ниоткуда.

У дверей гостиной я остановилась и сделала один спокойный вдох-выдох. В моей прежней практике это называлось «собраться». Сейчас мне предстояло позавтракать с родителями девушки, чьё тело я занимала, — и я очень надеялась, что профессиональных навыков хватит на двоих.

За столом уже сидели.

Во главе — лорд Виктор Вальдхорн, отец Элианы и, если верить книге, один из самых холодных людей во всём сюжете. Высокий, сухой, с лицом человека, который давно решил, что чувства — это статья расходов. Справа от него — леди Маргарет, мать, красивая женщина с усталыми глазами, которая много лет назад научилась не замечать то, что замечать опасно.

Я вошла, и оба взгляда повернулись ко мне с одинаковой выверенностью. Не любовь. Оценка.

— Ты опоздала, — сказал отец, не отрываясь от письма.

В воспоминаниях Элианы после такой фразы полагалось оправдываться. Быстро, сбивчиво, с ноткой виноватости, которая отца только раздражала. Я вместо этого спокойно отодвинула стул и села.

— Прости, отец. Я задержалась.

Он поднял глаза. В них промелькнуло то, что я сотни раз видела у клиентов, когда собеседник вдруг ломает привычный сценарий, — лёгкая растерянность, тут же прикрытая строгостью.

— Садись, — сказал он.

Завтрак шёл под звон фарфора и серебра. Я ела медленно и наблюдала. Как психолог, я не умею не наблюдать: отец держал вилку так, будто это был инструмент для допроса; мать резала булочку на одинаковые квадратики и ни разу не посмотрела ни на меня, ни на мужа дольше секунды. Идеальные квадратики. Идеальная невидимость. Мне вдруг стало тошно не от еды, а от того, как точно этот стол повторял десятки столов из моей прежней практики, где дети сидели между двумя взрослыми и учились занимать как можно меньше места.

— Завтра приём в честь принца Кассиана, — произнёс отец, аккуратно складывая письмо. — Ты будешь там. Ты представляешь дом Вальдхорн, и я не потерплю...

— ...стыда, — тихо закончила я за него, потому что эту фразу в воспоминаниях Элианы я слышала слишком много раз, чтобы дослушивать.

Он замер. Мать перестала резать булочку.

— Я хотела сказать, — добавила я ровно, — что понимаю свою ответственность, отец.

Пауза растянулась на столько секунд, что я успела сосчитать три вдоха. Потом отец кивнул — коротко, как кивают подчинённому, который вдруг ответил грамотно, — и вернулся к еде. Но я заметила, как мать наконец посмотрела на меня. По-настоящему посмотрела, а не скользнула. И в этом взгляде было не тепло. В нём был страх.

— Это платье слишком простое для наследницы Вальдхорн, — сказала она, и голос у неё был такой, будто она репетировала эту фразу с ночи. — У тебя есть другие.

Я посмотрела на своё тёмно-синее платье. Простое. Удобное. Первое за много лет, в котором Элиана, судя по воспоминаниям, чувствовала себя человеком, а не витриной.

— Простота — тоже высказывание, мама, — ответила я. — Пусть сегодня оно будет таким.

Мать опустила глаза в тарелку. Квадратики булочки остались лежать идеальным рядом, нетронутые.

Я допила чай и встала из-за стола раньше, чем это полагалось по негласному регламенту, — и, выходя, спиной почувствовала два взгляда. Один изучающий. Второй испуганный. Оба — от людей, которые по идее должны были меня любить. В моей прежней жизни такие семьи назывались по-разному, но схема у них была одна: ребёнок в них был не человеком, а докладом о состоянии дел.

В коридоре я на минуту прислонилась лбом к холодному камню стены.

Именно в эту минуту и всплыло оно — то, что я всю ночь успешно отгоняла. Суд. Площадь. Список свидетелей.

Я знала книгу наизусть, и теперь прокручивала ключевую сцену, как плёнку, которую пересматриваешь в поисках детали. Обвинение зачитывало пункты один за другим, и каждый был подкреплён свидетельством. Слуги. Придворные. Родственники. Но перелом наступил не на них. Перелом наступил, когда вперёд вышла девушка в простом платье академии — простолудинка, которой по всем законам жанра там не полагалось даже стоять рядом. Её голос звучал тихо и оттого слышался дальше любого крика. Она не обвиняла со злостью. Она просто рассказывала. И толпа, которая до этого колебалась, вдруг поняла: вот она, жертва. Вот она, правда. Вот он, приговор.

Девушку звали Селена.

Главная героиня «Падшей наследницы». Та, ради любви которой сюжет в итоге расставлял всех по местам. Та, чьё свидетельство в оригинале забило последний гвоздь в гроб Элианы Вальдхорн.

Я стояла в коридоре и честно пыталась решить простую профессиональную задачу. Чтобы отменить казнь, мне нужно, чтобы это свидетельство никогда не прозвучало. Чтобы оно не прозвучало, Селена должна мне доверять. А доверие, построенное на расчёте, в моей прежней профессии называлось манипуляцией, и я ненавидела её всей душой.

— Замкнутый круг, — сказала я стене. Стена промолчала, как и положено стенам. — Мне нужно подружиться с девушкой, которая меня казнила. Точнее, ещё не казнила. Точнее, которую саму здесь перемалывают, а я собираюсь подойти к ней с планом в голове. Ну прекрасно. Блестящий профессиональный рост.

Стена не предложила решений. Зато за стеной, по ту сторону двери библиотеки, меня ждал человек, который решения предлагал — свои, чужие и любые, если они работали.

Библиотека встретила меня запахом старых страниц и воска. Лорд Регент Орис сидел за массивным дубовым столом и читал, и на мгновение я увидела просто пожилого человека с книгой — а потом он поднял глаза, и иллюзия аккуратно сложилась и ушла в ящик стола.

— Элиана, — произнёс он мягко, как произносят имена любимых учениц. — Подойди.

Я подошла. В моей практике был свой способ разговаривать с людьми, от которых зависит твоя жизнь: не суетиться, не прятать глаза, не искать одобрения. Я села в кресло напротив и позволила ему рассматривать меня столько, сколько ему было нужно.

— Ты выглядишь отдохнувшей, — сказал он наконец. — Бессонница прошла?

— Почти, милорд.

— Почти, — он улыбнулся уголками губ. — Интересно. Мне казалось, у тебя нет причин для беспокойства. Наследница дома Вальдхорн. Завтра — приём, на котором будет принц. Чего беспокоиться?

Он спрашивал не для того, чтобы услышать ответ. Он слушал, как я дышу. Я это поняла очень отчётливо: передо мной сидел человек с моим же, по сути, ремеслом, только вывернутым наизнанку. Я читала людей, чтобы помогать. Он читал людей, чтобы управлять.

— Завтрашний день — большая сцена, милорд, — ответила я. — А перед большой сценой не спят даже опытные актёры.

— Актёры, — он повторил это слово с удовольствием, как будто примерял его ко мне. — Хорошее слово. У каждого из нас своя роль, Элиана. И своя цена за то, чтобы её не сыграть.

Он отложил книгу и сложил пальцы домиком.

— Кстати, о ролях. В академии при дворе появилась новая стипендиатка. Простолюдинка с даром света, который лечит. Ты слышала о ней?

Вопрос был задан небрежно, между строк, и именно поэтому я услышала в нём сталь. В оригинальном сюжете Орис почти не появлялся до финала, и я до сих пор не понимала, сколько нитей на самом деле сходилось в его руках. Но одно я знала точно: в оригинале травля Селены началась не сама по себе. Её кто-то поощрял. Её кто-то направлял.

— Слышала, — сказала я. — Дар света — редкость. Двор любит такие истории.

— Двор любит такие истории, — он кивнул, и в его голосе появилось что-то похожее на одобрение. — А ты, Элиана? Ты тоже любишь такие истории? Простолюдинка, которой позволили стоять рядом с благородными. Тебе не кажется это... неуместным?

Вот она, подумала я. Ловушка, обитая бархатом. Скажи «да» — и он получит прежнюю Элиану, которой можно дирижировать. Скажи «нет» слишком горячо — и он получит загадку, которую начнёт разгадывать. Мне нужен был третий ответ.

— Мне кажется, милорд, — сказала я, подбирая слова, как подбирают камни для моста, — что дар — не вопрос происхождения. Свет не спрашивает родословную, прежде чем лечить.

Тишина в библиотеке стала плотной, как вода на глубине. Орис смотрел на меня долго, и я чувствовала, как он перебирает варианты: дерзость? усталость? новое женское жеманство? Ни один из вариантов ему не нравился, потому что ни один он не мог просчитать заранее.

— Любопытно, — сказал он наконец, и это было не одобрение и не угроза, а что-то третье, от чего у меня по позвоночнику прошла холодная капля. — Ты в последнее время отвечаешь не так, как раньше.

— Люди меняются, милорд, — сказала я. — Особенно когда понимают, сколько у них времени.

Он чуть склонил голову, будто записал эту фразу в ту самую невидимую книгу, где хранились все мои долги.

— Завтра — приём, — сказал он. — Принц Кассиан должен увидеть наследницу Вальдхорн во всей её... безупречности. Не разочаруй меня, Элиана. Ты знаешь, что бывает с теми, кто меня разочаровывает.

— Знаю, милорд, — ответила я. — Я приду.

Я вышла из библиотеки с таким чувством, будто час стояла на краю крыши и делала вид, что просто дышу свежим воздухом. Он заметил. Он не понял, что именно, но заметил, что рисунок сбился. Это было плохо. И это было неизбежно — нельзя войти в чужую жизнь и не сдвинуть в ней мебель.

В коридоре, у самой двери моей комнаты, меня ждал Рейн. Он стоял в своей привычной полутени, и я вдруг подумала, что из всех людей этого дома он единственный, рядом с кем мне не нужно играть роль. Странная мысль про чужого слугу.

— Рейн, — сказала я. — Ответь мне на один вопрос. Только честно.

Он чуть поднял глаза.

— Расскажи мне всё, что знаешь о новой стипендиатке академии. О девушке с даром света.

Я увидела, как он на мгновение растерялся: хозяйка, которая ещё вчера не произносила слова «простолюдинка» без презрительной паузы, вдруг спрашивает о ней с таким лицом, с каким спрашивают о больном человеке.

— Её зовут Селена, миледи, — тихо сказал он. — Дар света, лечит прикосновением. Держится особняком. На неё уже косятся: благородные не любят тех, кто напоминает им, что свет не спрашивает родословную.

Я усмехнулась про себя. Фраза вернулась ко мне, как бумеранг.

— А ещё, миледи, — Рейн помедлил, будто решая, говорить ли дальше, и всё-таки добавил совсем тихо, — её сегодня снова выставили на посмешище в столовой академии. Разлили суп и сказали, что простолюдинам место у чёрного входа. Она не ответила ни слова. Просто вытерла платье и вышла.

Я стояла в коридоре и слушала, как в ушах тонко звенит. Девочка с вытянутым рукавом. Девочка с камнем под ладонями. Девушка с супом на платье, которая молча выходит из столовой, потому что отвечать здесь — значит подписывать себе приговор. Все они были из одного теста, и я, похоже, тоже.

В оригинальной истории эта девушка станет моим палачом. Не потому, что злая, — потому, что у неё не оставят выбора.

Значит, в этой истории я сделаю так, чтобы выбор у неё был. Я встану между ней и толпой раньше, чем толпа успеет собраться. Даже если это самый дурацкий план из всех, что я придумывала за всю свою жизнь.

— Спасибо, Рейн, — сказала я. — Это важно.

Он молча поклонился, и я вошла в комнату, где на столе всё ещё лежало непрочитанное письмо с чёрной печатью. Завтра — приём. Завтра я впервые увижу их всех: принца с ледяными глазами, рыцаря со шрамом, друга детства с готовой улыбкой. И девушку с супом на платье, которая ещё не знает, что сценарий её жизни уже переписывают.

Я взяла письмо и наконец сломала печать.

Глава 3

Глава 3

Дом ожидает

«Сначала на тебя надевают платье, которое выбрали. Потом — судьбу, которую выбрали. И называют это воспитанием».

Печать треснула с тихим сухим щелчком, и я развернула плотный лист. Почерк у лорда Виктора был такой же, как он сам, — ровный, без единой лишней чёрточки, будто строки тоже боялись занять больше места, чем им положено.

«Элиана.

Завтра на приёме среди стипендиатов академии, прислуживающих гостям, будет простолюдинка с даром света. Двору угодно делать вид, что это забава. Дому Вальдхорн угодно иное. Смешение сословий — трещина, а трещины заделывают, пока они малы.

Покажи ей её место. Публично и недвусмысленно, чтобы другим неповадно было. Дом ожидает.

В. В.»

Я перечитала письмо дважды. Потом отложила и посидела неподвижно, слушая, как в камине шипит свеча.

Вот, значит, как. В оригинальной истории сцена, с которой начиналась открытая травля Селены, — разлитое вино, смех зала, белое пятно на простом платье — всегда читалась как прихоть злодейки. Я сама так читала. Я сама писала гневные комментарии: «Ну и стерва». А теперь передо мной лежала бумажка, из которой следовало: стерва была исполнителем. Заказ приходил по почте, с гербом и подписью.

Элиану сделали монстром. Буквально. По инструкции, с отчётностью.

Я встала и подошла к камину. Огонь принял письмо жадно, как принимает всё бумажное, — лист скрутился, почерк лорда Виктора на мгновение стал чёрным на оранжевом, и от «дом ожидает» не осталось даже пепла, по которому можно было бы прочесть слова.

— Дом ожидает, — сказала я огню. — Дом подождёт.

Воспоминание пришло тихо, без боли, просто как картинка из чужого альбома. Элиане девять. Она стоит на табурете в этой самой комнате, и портниха обкалывает её булавами, а мать сидит рядом и говорит не с дочерью, а с портнихой: «Талию убрать. Плечи не подчёркивать. И проследите, чтобы она не сутулилась, она вечно сутулится, это позорит дом». Девочка на табурете терпит булавы. Девочка на табурете очень старается не сутулиться. Девочке на табурете никто ни разу не сказал, что она красивая или что она молодец, и, кажется, именно в тот день она впервые поняла: её тело — это витрина, а витрины не хвалят, витрины проверяют на пыль.

Я моргнула, и картинка ушла.

— Значит, завтра я должна выйти и проверить на пыль другую девочку, — сказала я пустой комнате. — Ту, которая стоит ещё ниже табурета. Отлично. Просто отлично.

К шкафу я подошла с настроением человека, который идёт на переговоры с собственным гардеробом. Ряды тёмных платьев смотрели на меня с укором: каждое было сшито так, чтобы входящая в зал Элиана Вальдхорн выглядела как приговор. Чёрный бархат. Тяжёлая парча. Высокие воротники, в которых шея держится прямо, хочешь ты того или нет. Броня, доспех, мундир — всё, что угодно, кроме одежды.

— Рейн, — сказала я, не оборачиваясь. Я слышала его дыхание у двери, он стоял там уже минут десять, по своей привычке быть мебелью. — Подойди. Мне нужен твой глаз.

Он приблизился бесшумно и остановился на почтительном расстоянии, там, где у мебели полагается иметь уши, но не мнение.

— Какое платье дом выбрал бы для завтрашнего приёма? — спросила я.

— Леди Маргарет приказала подготовить чёрное бархатное, миледи, — ответил он, глядя куда-то в район моего плеча. — С серебряным поясом.

— А какое выбрал бы ты?

Тишина. Я почти слышала, как в его голове что-то очень старое и очень ржавое поворачивается на смазанных веками петлях. Слуге не задают таких вопросов. Слуге не задают никаких вопросов, кроме «который час» и «где мои перчатки».

— В третьем ряду слева, миледи, — сказал он наконец, и голос у него был такой, будто он ступал по тонкому льду, — висит платье глубокого синего цвета, с серебряной вышивкой по подолу. Его шили к прошлому осеннему балу, но вы ни разу его не надевали. Леди Маргарет сказала, что синий — цвет слишком мягкий для дома Вальдхорн.

Я вытащила платье из ряда. Оно оказалось тяжёлым и текучим, как вечерняя вода, и серебряная вышивка по подолу шла тонкой волной — не кричаще, не по-придворному, а так, будто платье знало о себе что-то хорошее и не нуждалось в доказательствах.

— Почему ты запомнил именно его? — спросила я.

— Оно не похоже на остальные, миледи, — сказал Рейн, и на секунду его глаза поднялись до моих и снова опустились. — В нём человек был бы виден. Остальные — они про дом.

Я посмотрела на него внимательно. На его потёртые манжеты, аккуратно заштопанные мелкими стежками, и вдруг поймала себя на мысли, что стежки эти — женские, старательные, и что, скорее всего, он штопал себя сам, по ночам, потому что просить у дома новую ливрею — значит признать, что тебя видно, а быть видимым ему было страшнее, чем ходить в потёртом.

— Рейн, — сказала я. — Завтра на приёме я, возможно, сделаю то, чего от меня не ждёт ни дом, ни кое-кто ещё похуже дома. Мне нужно, чтобы рядом был человек, который видит зал раньше, чем я в него войду. Кто где стоит, кто на кого смотрит, где начинается толпа и где кончается. Ты знаешь этот дворец лучше, чем дворец знает сам себя. Побудешь завтра моими глазами?

Он молчал так долго, что я успела испугаться, не перегнула ли я: профессиональная привычка просить людей о доверии иногда не замечает, что человек к доверию не готов.

— Я всегда стою рядом, миледи, — сказал он наконец. — Это моя работа.

— Я не про работу спрашиваю, — сказала я. — Я про глаза.

Он поднял голову. Впервые за всё время нашего знакомства он посмотрел мне в лицо не краем взгляда, а целиком, и я увидела, какие у него на самом деле глаза — серые, прозрачные, усталые и очень внимательные. Такие глаза бывают у людей, которые годами смотрят на господ и научились видеть их насквозь, потому что смотреть насквозь — единственная роскошь, которую у слуги не отнять.

— Побуду, миледи, — сказал он.

И вышел, и в дверях на мгновение задержался, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал. А я осталась стоять с синим платьем в руках и думала о том, что доверие — странная валюта: оно появляется не там, где его зарабатывают подвигами, а там, где кого-то впервые в жизни спрашивают про мнение.

Вечером я репетировала перед зеркалом.

Это было похоже на работу, которую я делала раньше с клиентами, которым предстоял трудный разговор: роль проговаривается, поза выверяется, дыхание ставится. Я училась держать спину так, как держала её Элиана, — прямо, но без вызова. Училась опускать подбородок на те самые два градуса, которые читаются как достоинство, а не как высокомерие. Училась говорить её голосом медленно, потому что быстрые слова выдают тревогу, а тревога во дворе — это кровь в воде.

— Леди Элиана Вальдхорн, — сказала я зеркалу её голосом, и получилось почти хорошо. — Благодарю за приём.

Потом я попробовала то же самое своим внутренним голосом, голосом той, которая пришла извне, — и зеркало на мгновение показало мне не Элиану, а ту, третью, которую я видела утром, — и я отвела глаза первой. Маска — полезная штука, пока помнишь, что это маска. Беда начинается, когда маска начинает нравиться.

Я отвела глаза первой, но мысль осталась и сидела во мне, как заноза: а кто из нас двоих завтра будет репетировать — та, что пришла извне и играет роль, или та, что родилась здесь и учится заново?

За окном стемнело. Дворец затихал по-дворцовому: не глох, а именно затихал, учтиво, как зал перед началом концерта. Я подошла к окну и увидела вдали, за садами, башню академии — и в одном из её узких окон горел тёплый, ровный свет, не похожий на свечной. Он не мигал и не дрожал, он лился, как льётся вода из кувшина, и даже с такого расстояния в нём чувствовалась усталость: свет, который лечит, тоже устаёт.

Селена. Наверное, она лечила чьи-то порезы и синяки после столовой, или просто сидела в своей каморке и держала в ладонях немного света, потому что после дня, в котором тебя выставляют на посмешище, свет — единственное, что тебя не предаёт.

Я смотрела на это далёкое ровное пламя и думала о том, что завтра по протоколу стипендиаты будут прислуживать в зале. Что по письму лорда Виктора я должна выбрать момент, когда она подойдёт с вином, и сделать так, чтобы зал смеялся над ней. Что в оригинале именно с этого смеха началась лавина, которая в итоге вынесла на площадь и меня — то есть её — то есть нас.

— Завтра мы увидимся, девочка с даром света, — сказала я стеклу. — И я обещаю тебе одну вещь. Никто не прольёт на тебя вино. Ни я, ни кто-либо ещё. Даже если для этого мне придётся пролить на себя кое-что похуже.

Свет в башне академии мигнул и погас — Селена легла спать. А я ещё долго стояла у окна и думала о том, что у меня осталось сто семьдесят девять дней, один приём и одно обещание, которое я дала человеку, который меня не слышал.

Завтра всё начнётся по-настоящему.

Глава 4

Глава 4

Несыгранная сцена

«Толпа собирается на унижение, как на праздник. Разогнать её можно только одним способом — отказаться аплодировать».

Зал встретил меня светом, теплом и тем особенным гулом, который бывает только у собраний, где все друг друга знают и все друг друга немного ненавидят. Люстры горели, как будто им платили за яркость, музыканты в нише играли что-то вежливое, и воздух был густой от духов, свечного воска и чужих ожиданий. Я вошла — и гул на мгновение просел, как проседает волна перед тем, как накрыть.

Я знала этот звук. В оригинале его описывали так: «зал затих, ожидая, кого сегодня растерзает Элиана Вальдхорн».

— Слева, у колонны, леди Мирабель из дома Корвин, — шепнул Рейн из-за моего плеча, тихо, как суфлёр. — Не смотрите на неё прямо, она принимает это за вызов. Справа — лорд Брен, он сегодня проигрался в карты и зол на всех. У окна — маг Элиас Вейн, он ни к кому не подходит, и к нему не подходят. У северной двери несёт службу рыцарь Дариан Блэквуд. И... — Рейн сделал паузу, такую маленькую, что её услышала только я, — девушка здесь, миледи. Третий стол, голубая кайма на рукаве.

Я не стала поворачиваться. Я шла вперёд, держа спину так, как репетировала перед зеркалом, и позволяла залу меня рассматривать. Синее платье с серебряной волной по подолу чувствовалось непривычно: оно не держало меня, как доспех, оно просто было со мной рядом, как бывает с одеждой, которую выбирали не для витрины.

В толпе я поймала знакомую улыбку: Лорен Ашфорд издали поднял мне бокал, и улыбка у него была как натоптанная дорожка — тёплая, привычная и отчего-то невыносимо грустная для меня, знавшей, что под ней лежит. У северной двери стоял рыцарь со шрамом на щеке и держал осанку так, будто дверь была лично перед ним виновата. А у окна, никого не трогая, стоял человек с серебряной косой; его взгляд я почувствовала спиной, как чувствуют сквозняк сквозь закрытую дверь, — и не стала оборачиваться. Рано.

А потом зал качнулся в сторону входа, и музыканты сами собой сыграли на тон торжественнее: прибыл принц Кассиан.

Он вошёл так, как входят идеальные люди, — чтобы никто не заметил усилия. Белоснежный камзол, безупречный поклон залу, улыбка, рассчитанная на всех и ни на кого. Я смотрела на него и видела не наследника престола, а очень знакомый типаж: так улыбались мои клиенты в первые сессии, когда уже знали, что их спросят про детство, и заранее держали лицо. Улыбка до глаз не дошла. Она у него вообще, кажется, до глаз не доходила никогда.

По протоколу полагалось, чтобы наследница Вальдхорн подошла первой. Я подошла.

— Леди Вальдхорн, — произнёс он, и голос у него был ровный, отполированный, как перила, за которые нельзя держаться. — Мне говорили, вы придёте в чёрном. Я ошибся.

— Чёрный — цвет доспеха, Ваше Высочество, — ответила я. — Сегодня я решила прийти без доспеха.

Он чуть склонил голову, и в его глазах впервые за вечер появилось что-то живое — лёгкая растерянность человека, которому подали реплику, не прописанную в пьесе.

— Без доспеха, — повторил он. — Смелый выбор для приёма.

— Иногда самое смелое — это прийти таким, какой ты есть, — сказала я и тут же мысленно попросила у себя прощения за пафос: фраза прозвучала красивее, чем я планировала.

— Любопытно, — сказал Кассиан. — Я полагал, что здесь все приходят в доспехах. Включая меня.

Мы обменялись ещё двумя положенными фразами, и он отошёл к советникам, а я выдохнула: первый разговор с принцем в этой жизни не превратил меня ни в злодейку, ни в витрину. Но главное в этот вечер было не это.

Главное подкатилось на маленьких колёсиках сервировочного стола.

Стипендиаты академии прислуживали гостям, и я издалека увидела её: медовые волосы, собранные просто, без единого украшения, и голубая кайма на рукаве. Селена держала поднос с бокалами так, будто это была не посуда, а ребёнок, которого нельзя уронить. Она шла между гостями, опустив глаза, и я видела её плечи — плечи человека, который всё время ждёт окрика.

Леди Мирабель заметила её раньше, чем я успела подойти. Я увидела, как придворная дама из дома Корвин чуть повела локтем — едва, почти изящно, — и край подноса качнулся. Бокал накренился, вино плеснуло на рукав Мирабель тёмным пятном, и зал получил то, чего ждал весь вечер: сцену.

— Ах! — Мирабель отступила на полшага и подняла руку с испорченным рукавом, как поднимают знамя. — Вы только посмотрите. Вот они, новые кадры академии. Девочка, стань на колени и вытри. Пусть зал видит, как ты умеешь служить, раз не умеешь держать поднос.

Кто-то хихикнул. Кто-то подался вперёд: унижение — это всегда ближе к сцене. Селена побелела. Я видела, как её пальцы сжались на краю подноса, и знала этот момент наизусть: в оригинале именно здесь Элиана Вальдхорн добавляла свою реплику, и реплика эта была гвоздём, с которого начиналась лавина. Зал ждал моей реплики. Мирабель ждала моей реплики. Даже музыканты, кажется, играли тише.

Я сделала шаг вперёд.

— Леди Мирабель, — сказала я голосом, которым в этом доме принято было заканчивать споры, — несчастный случай — не вина.

И, пока зал переваривал фразу, достала из рукава платок с серебряной нитью и спокойно, без единой лишней эмоции, промокнула пятно на её рукаве. Мирабель замерла с поднятой рукой: наследница Вальдхорн, которая вытирает чужой рукав, — такого в этом зале не видел никто и никогда, и сцена, рассчитанная на унижение одной девочки, вдруг стала сценой, в которой все смотрели на меня и не понимали правил игры.

— А сцена из-за рукава, простите, недостойна дома Корвин, — добавила я тем же ровным тоном и повернулась к Селене. — Девушка, принеси леди Мирабель сухую салфетку. И не дрожи. Ты ни в чём не виновата.

Селена подняла на меня глаза, и в этих глазах было столько всего, что мне на секунду стало стыдно: она смотрела на меня, как смотрят на затмение, — понимая, что этого не может быть, и не в силах отвести взгляд.

— А вам, господа, — я обернулась к залу и позволила себе лёгкую, почти скупающую улыбку, — рекомендую вино: оно превосходно, но на рукавах я его не советую.

Смех, который должен был топтать одну девочку, растерялся и превратился в вежливые смешки: зал всегда смеётся с тем, кто сильнее, а сильнее сегодня оказалась я — и я выбрала, над чем смеяться. Мирабель, красная до корней волос, откланялась первой: продолжать сцену значило бы продолжать её после того, как наследница Вальдхорн промокнула ей рукав, а это уже было не унижение прислуги, а позор для неё самой.

Селена принесла салфетку, поставила её на столик рядом с Мирабель и отступила, не поднимая глаз. Но у самого края нашего круга она на мгновение остановилась и очень тихо, так, что услышала только я, сказала:

— Я не понимаю, что это было, леди Вальдхорн.

— Считай, что у вина сегодня был выходной, — так же тихо ответила я.

Она скользнула в толпу, а я осталась стоять посреди зала и чувствовала, как по спине медленно стекает холод: я только что сломала первую сцену оригинала. Публично. На глазах у всего двора. И теперь каждый, кто держал в голове старый рисунок, будет смотреть на меня и искать, где трещина.

Я знала, где она. Я знала, кто её видел.

С дальнего конца зала на меня смотрел лорд Регент Орис, и лицо у него было как у человека, которому тихо перевернули шахматную доску, пока он отлучился за водой. Он не хмурился. Он улыбался. И эта улыбка была страшнее любого хмурого взгляда, потому что означала: интересно. А когда Орису интересно, кто-то обязательно платит.

У северной двери рыцарь со шрамом смотрел на меня с выражением человека, у которого на глазах нарушили присягу, и он не решил ещё, радоваться этому или нет. У окна серебряная коса чуть заметно качнулась: Элиас Вейн отвернулся от своего окна впервые за вечер, и я спиной почувствовала, что он меня запомнил.

А потом сквозь расступающуюся толпу ко мне снова шёл принц Кассиан, и на этот раз в его отполированном лице было что-то новое: любопытство, настоящее, не протокольное.

— Я бы поклялся, что вы никогда не наденете ничего, что не пугает, леди Вальдхорн, — сказал он, останавливаясь рядом. — А вы приходите в синем и вытираете рукава прислуге... простите, вытираете рукава гостям. Признайтесь: это новая стратегия дома Вальдхорн или вы просто решили, что приём скучен?

— Приём превосходен, Ваше Высочество, — ответила я. — Просто иногда рукав важнее репутации.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, каким, наверное, смотрел на задачи, которые не решались с первого хода.

— Сто семьдесят восемь дней, — сказал он вдруг, совсем тихо, и я вздрогнула: никто во всём зале не знал этой цифры, кроме меня. — Столько осталось до осенних Испытаний. Вы будете на них, леди Вальдхорн?

— Дом Вальдхорн всегда там, где его ждут, — ответила я ровно, а внутри что-то холодно сжалось: он спросил про Испытания не просто так. В оригинале принц не задавал Элиане таких вопросов. Значит, и он сегодня увидел трещину. Значит, я переписываю не только свой сценарий — я переписываю всех, кто стоял рядом.

Музыканты заиграли первый танец, и зал закружился, как будто ничего не произошло. А я стояла у колонны и думала о том, что оригинальная история сегодня потеряла первую сцену, и о том, что девочка с голубой каймой на рукаве унесла с этого вечера не позор, а вопрос, на который я пока не готова отвечать.

Сто семьдесят восемь дней. Первая трещина в скрипте. И весь зал, который ещё не знал, что уже читает мой черновик.

Глава 5

Глава 5

Тот, кто молчал

«Молчание — тоже выбор. И его тоже запоминают».

Двор проснулся раньше меня и успел обсудить меня дважды: первый раз — за ночным вином, второй — за завтраком, о котором я, по всей видимости, должна была узнать последней. Так оно и вышло.

Рейн появился в дверях со своей обычной бесшумностью и, глядя чуть в сторону, принялся докладывать дворцовые новости тоном человека, который читает сводку погоды в стране, где никогда не был: леди Мирабель вторые сутки не выходит из своих покоев и, по словам её горничной, «не расположена»; лорд Брен проигрался в карты ещё сильнее и теперь зол даже на люстры; а кухарка Тильда передаёт, что весь дворец второй день живёт историей о том, как наследница Вальдхорн собственным платком промокнула чужой рукав.

— И что говорит кухарка Тильда по этому поводу? — спросила я.

— Кухарка Тильда говорит, что у леди Элианы, видимо, завелись тараканы, — ответил Рейн и, помолчав, добавил с невозмутимостью, которой позавидовал бы любой придворный: — В хорошем смысле, миледи. В головах у людей, которые это обсуждают, тараканы завелись в плохом.

Я рассмеялась. Смех вышел слишком живым для Элианы Вальдхорн, и Рейн на мгновение поднял брови, но комментировать не стал: у мебели, как я уже поняла, имелось собственное мнение о хозяевах, и собственная система учёта их странностей.

— И ещё, миледи, — сказал он тем же ровным тоном, и я по тону поняла, что дальше пойдет то, ради чего он, собственно, и пришёл. — Лорд Виктор ожидает вас в кабинете. Уже полчаса.

— Передай лорду Виктору, — сказала я, вставая, — что его дочь шла к нему с той скоростью, с которой позволяют идти шнуровки.

В кабинете отца пахло чернилами, воском и тем особенным холодом, который исходит не от окон, а от человека. Отец сидел за столом и не поднял головы, когда я вошла: он дочитывал какое-то письмо, и я успела заметить, как его пальцы сложили лист вчетверо — аккуратно, как складывают то, что не перечитают.

— Вчера дом ждал от тебя другого, — сказал он вместо приветствия.

— Сцена состоялась, отец, — ответила я, останавливаясь напротив стола. — Я просто завершила её иначе.

— Мирабель опозорена, — он поднял глаза, и в них не было гнева; в них было хуже — в них было бухгалтерское подведение итогов. — Дом Корвин запомнит это. Простолюдинка осталась неотёсанной. Двор увидел, что наследница Вальдхорн ведёт себя, как блаженная. Ты посчитала, сколько это стоит?

— Я посчитала, — сказала я. — Сильный дом не топчет прислугу при принце. Блаженных не боятся, отец, но блаженным верят, а это, как ни странно, дороже.

Он молчал секунд десять. Я видела, как в нём борются два чувства: гордость за удачно найденный ход — ход-то был хорош, чего уж там — и ярость человека, у которого вещь в доме вдруг начала отвечать. Победила вторая.

— Регент вчера спрашивал о тебе, — сказал отец, и голос его стал тише, как становится тише в комнате, где упоминают покойника.

Я не шелохнулась. Внутри всё аккуратно сложилось и похолодело.

— Он спрашивал, а не приказывал, — продолжил отец, и я впервые увидела на этом лице не строгость, а усталость. — Понимаешь ли ты разницу, Элиана? Я — уже нет. Люди, о которых Орис спрашивает дважды, потом исчезают из расписаний. Не дразни его больше.

— Я не дразню его, отец, — сказала я. — Я просто перестала быть удобной. Это разные вещи.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом, каким смотрят на человека, который впервые заговорил сам. Я поклонилась и пошла к двери, и уже на пороге услышала за спиной тихо, почти себе:

— Совсем как её бабка.

Я не обернулась. Но шагов на три коридора эта фраза шла рядом со мной, как идёт рядом человек, который знает что-то, чего не знаешь ты, и молчит. Бабка. Мать отца, о которой в доме Вальдхорн не говорили вообще, никогда, ни в каком виде, — я проверяла воспоминания Элианы прошлым вечером и не нашла ни одной. Ни портрета в коридоре. Ни имени в разговорах. Ни даже свечи в день поминовения. В доме, где портреты предков висели рядами, как солдаты, у одной женщины не было даже рамы.

Запомнить, — сказала я себе. Это не просто умолчание. Это дверь, которую замуровали.

В свою комнату я вернулась к полудню и застала на балконе картину из чужого детства: через перила, с грацией кота и лицом человека, которого никто не звал, перелезал Лорен Ашфорд. В руках у него была корзина, прикрытая полотенцем.

— Последняя малина сезона, — объявил он, прыгивая на пол и отряхивая колени. — Я подкупил садовника двумя серебряными и обещанием рассказать, чем кончилась история с рукавом. Дворец теперь только этим и живёт, ты в курсе? Тильда на кухне утверждает, что у тебя завелись тараканы.

— В хорошем смысле, — сказала я.

— Все так говорят, — он ухмыльнулся и, не спрашивая разрешения, уселся на подоконник, свесив ноги, как делал в семь лет, в девять и, судя по всему, собирался делать до старости. — Ну, рассказывай.

Я села напротив и стала рассматривать его. В книге Лорен Ашфорд был описан одной строкой: «друг детства злодейки, лёгкий, как ветер, и такой же необязательный». Строка была точной. Каштановые кудри падали ему на лоб так, будто только что пережили ветер; карие глаза теплились; улыбка была на месте, готова к употреблению, как прибор у тарелки. Но я — я — видела ещё и то, чего не видела книга: как его пальцы выстукивают по корзине быстрый, нервный ритм, и как улыбка эта сидит на нём на полразмера больше, чем нужно.

— Второй день весь двор говорит про рукав, — сказал он, пока я наливала ему в стакан воды из кувшина. — Мирабель не выходит из покоев. Отец, говорят, ходит чёрный. А принц, между прочим, за ужином спросил у советников, кто такая леди Вальдхорн. Представляешь? Принц. Спросил. Про тебя.

— Представляю, — сказала я. — Я там была.

Лорен рассмеялся — и смех его на мгновение треснул, как трескается лёд под слишком быстрым шагом. Он это заметил. Я это заметила. Мы оба сделали вид, что не заметили.

— Элиана, — сказал он, поболтав ногой над балконом, и голос у него стал тише. — Скажи мне одну вещь. Только честно. Ты во что играешь?

— А ты? — спросила я.

Он открыл рот, закрыл рот и посмотрел на меня с уважением человека, которому только что вернули его же монету.

— Я-то всю жизнь играю, — сказал он. — В этом доме иначе нельзя, ты сама знаешь. Но я хотя бы играю в то же, во что все. А ты со вчерашнего дня играешь в игру, правил которой я не знаю. Это страшно, если честно. Я с тобой знаком двадцать лет, и я тебя не узнаю.

— Может, это ты себя не узнаёшь, — сказала я. — Когда я стою с платком над чужим рукавом, а ты стоишь рядом и молчишь.

Он дёрнулся, будто я сказала это вслух, хотя я сказала это вслух только наполовину. И вот тут он проговорился.

— Когда твой отец отправил тебе то письмо, — сказал он быстро, глядя в стакан, — я думал, ты... я думал, ты поступишь как всегда, и я заранее...

— Лорен, — перебила я его очень тихо. — Откуда ты знаешь про письмо?

Тишина. За балконом ворковали голуби, равнодушные, как всегда, к человеческим катастрофам. Лорен поднял глаза, и улыбки на нём не было вообще — впервые за всё наше знакомство я видела его лицо без этого прибора у тарелки, и лицо оказалось усталым, мальчишеским и очень виноватым.

— Двор говорит, — сказал он.

— Двор говорит про рукав, — сказала я. — Про письмо дома Вальдхорн двор не говорит, потому что письма дома Вальдхорн читают те, кому их показывают. Тебе показали, Лорен? Или рассказали?

Он молчал. Пальцы его перестали выстукивать ритм и просто вцепились в край корзины, как цепляются за борт человек, которого качает на волне. Я не стала давить. Я вообще мало что стала делать из того, что хотелось: хотелось встряхнуть его, хотелось спросить, кто именно и когда именно, хотелось понять, сколько ещё людей в этом дворце читают мои письма раньше меня. Но я — психолог, и я знаю: человека, который впервые за двадцать лет снял улыбку, нельзя сейчас пугать вопросами. Он или ответит всё, или закроется навсегда. Мне нужно было второе отложить, а первое — оставить на потом.

— Я не буду спрашивать сейчас, — сказала я. — Но запомни одно: я заметила. И ещё запомни, Лорен. Когда-нибудь я попрошу тебя о чём-то по-настоящему важном. Вот тогда — не молчи. Это всё, что я прошу.

Он кивнул. Не пообещал — кивнул, и я оценила разницу: обещания он раздавал легко, как улыбки, а кивок этот был тяжёлый, настоящий, из тех, что дают в долг самому себе.

Потом мы ели малину. Я взяла ягоду, и тело Элианы отозвалось раньше, чем я успела подумать: во рту всплыл вкус из чужого лета — семь лет, колючая изгородь за старым садом, ободранные локти и Лорен, который лезет через эту изгородь с перекошенным лицом и кричит «держи», и корзина, в которой ягоды только на дне, потому что половину он съел по дороге. Элиана помнила это так отчётливо, так тепло, что у меня на секунду защемило в груди, как будто это было моё. Может, уже и моё. Граница между нами двоими в такие минуты становилась тонкой, как плёнка на остывшем чае.

— Ты ведь любила малину, — сказал Лорен, и в голосе его было что-то очень осторожное. — А последние лет пять делала вид, что не любишь. Потому что мама сказала, что ягоды пачкают пальцы, а леди Вальдхорн не должны пачкать пальцы.

Я посмотрела на свои пальцы в малиновом соке.

— Пальцы отмоются, — сказала я.

Лорен посмотрел на меня так, будто я сказала что-то очень важное, и промолчал. А уходя, уже на пороге, обернулся:

— Знаешь, когда ты вчера стояла с этим платком... ты была похожа на себя семилетнюю. До того, как тебя научили бояться самой себя.

И ушёл, а я осталась сидеть с корзиной и думать о том, что двадцать лет знакомства — это, оказывается, не пустой звук, и что у Элианы Вальдхорн был в детстве человек, который просто был рядом. А потом этот человек научился молчать, как и все в этом доме, и молчание его, судя по лицу, до сих пор жгло ему руки.

Кто-то показал ему моё письмо. Кто-то в этом доме читает мою почту и делится прочитанным с сыном соседнего дома. Это было плохо. Но хуже было другое: я вдруг очень ясно

поняла, что Лорен пришёл сегодня не только из вины. Он пришёл проверить, та ли я, за кого себя выдаю. И ушёл, не получив ответа.

Вечером принесли новости, которые перечеркнули все мои планы на ближайшую неделю.

Рейн вошёл, когда я стояла у окна и смотрела на далёкий огонь в башне академии, и сказал без предисловий, и это само по себе говорило о масштабе:

— Миледи. Из канцелярии регента прислан приказ. Стипендиатка Селена вызывается во дворец. Личным распоряжением лорда Ориса. Прибыть к концу недели, для определения к придворной службе.

Я медленно отвернулась от окна.

В книге этого не было. Я знала «Падшую наследницу» почти наизусть, я могла бы перечислить по именам всех статистов осенних сцен, — и я точно знала: после приёма в оригинале была неделя тишины, потом охота, потом первое большое падение Элианы. Никакого вызова Селены во дворец. Никакой придворной службы. Орис, который в книге до самого финала сидел в тени и дёргал нити, которых никто не видел, — сейчас, на моих глазах, выходил из тени и начинал вязать новые узлы. Из моего узла. Из того самого платка.

Я сломала сцену — и история начала импровизировать. Книгу я знаю наизусть, — подумала я, слушая, как внизу, в саду, шуршит по гравии вечерний ветер. Импровизацию — нет.

— Рейн, — сказала я. — Узнай всё, что сможешь, про этот приказ. Кто принёс, кому читали, кто первый о нём узнал. И ещё. Если девушка с даром света переступит порог этого дома — я хочу знать об этом раньше, чем она его переступит.

— Да, миледи, — сказал он и уже в дверях остановился. — Миледи. Она ведь придёт сюда не как гостя.

— Я знаю, — сказала я. — Она придёт сюда как приманка. Вопрос только в том, на кого он со мной охотится: на неё — или на меня.

За окном в башне академии свет сегодня не горел. Селена собирала вещи.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.